

То, что Ци Синьли соприкоснулся с буддизмом, было во многом результатом его жизненных обстоятельств и выбора профессии.

Его родители служили в отряде «Яньцзин», элитном подразделении лучших из лучших. Задания, которые они выполняли, неизменно были связаны с кровью. То они вели интеллектуальные поединки с иностранными шпионами, то вступали в смертельные схватки с наркобаронами. По мере накопления заслуг они стали для преступного мира костью в горле, занозой в сердце, вызывая скрежещущую зубами ненависть.

Но и на солнце бывают пятна. В их ряды затесался предатель. Личности супругов были раскрыты, и на всю их семью, включая малолетнего сына, была объявлена охота.

Если бы не исключительное мастерство его родителей, у Ци Синьли не было бы полноценной семьи. Более того... он бы погиб во время той перестрелки в свои пять лет.

Ци Синьли никогда не забывал тот день: родители, истекающие кровью, бежали, прикрывая его, а за ними гнались безжалостные убийцы. Ответный огонь, схватка... объятия матери впервые стали холодными от потери крови. К счастью, они продержались до прибытия подкрепления.

После этого случая родители отправили Ци Синьли в деревню, сменив даже его фамилию с прежнего варианта «Ци» на другой вариант «Ци». Чтобы защитить его, они записали его в семью по фамилии Ци, надеясь лишь на то, что он вырастет в безопасности.

Он не мог вернуться домой, не мог видаться с родными. Встреча с ними означала опасность. В самом юном возрасте Ци Синьли понял, что значит слово «солдат». Оно означало справедливость, но в то же время — смерть.

Не по годам развитый, он поселился в семье Ци и рос как все. Не выделялся, не перескакивал через классы, не плакал и не капризничал. Разве что любил пачкать лицо грязью, идеально играя роль обычного ребёнка, так что все помнили его лишь по прозвищу «обезьянка в грязи».

В свободное время он заходил в деревенский храм и, подражая старушкам, опускался на колени, моля богов и бодхисаттв о защите для своих родителей.

Это была маленькая мечта ребёнка и единственное утешение, которое он мог себе позволить.

Когда он подрос, в деревне появился приезжий торговец — хромой мужчина средних лет. Из-за сурового вида и вечно нахмуренного лица его дела шли из рук вон плохо, но его лавчонка каким-то чудом продолжала работать изо дня в день. Никто не знал, на что он живёт.

Ци Синьли очень его полюбил. От этого мужчины исходил тот же запах, что и от его родителей. Давно забытое чувство, дарующее покой. Мужчина тоже заботился о Ци Синьли. Всему, что умел сам, он учил и его.

За шесть лет в деревне сменилось шесть таких горе-торговцев. Возможно, дела у них и впрямь шли неважно, и как только деревенские дети их поколения уехали учиться в среднюю школу-интернат, они тоже уехали.

Средняя школа находилась недалеко от Яньцзина, но Ци Синьли по-прежнему не мог видеть родителей, потому что в Яньцзине как раз шло громкое дело о наркокартеле. Лишь в старших классах он наконец встретился с ними. Недолгая, десятиминутная встреча. Следующая была уже после выпускных экзаменов.

Он всегда был гордостью родителей.

Но поскольку виделись они редко, родители не могли дать ему особых советов по выбору профессии. Ци Синьли, следуя своим способностям, поступил на физический факультет Императорского университета.

И тут его настигла беда. Когда он заметил, что его волосы начали стремительно редеть, он понял, что ему грозит преждевременное облысение.

Чтобы скрыть это и придать своей проблеме вид чего-то естественного, он записался на курсы в буддийскую академию, где изучал сутры, и даже умудрился получить официальное свидетельство монаха.

Если волосы выпадут окончательно, он достанет свидетельство и скажет, что его профессия — быть монахом, и лысая голова — это нормальный рабочий стиль.

Сколько же сил и ухищрений ему пришлось приложить...

Но Ци Синьли и представить не мог, что этот случайный выбор станет ключом, открывающим дверь в новый мир. И хотя он понимал слова Цзи Сы лишь отчасти, пока он был с ними, ничто не мешало ему собирать информацию и размышлять.

В тот момент они впятером сидели в гостиной люкса и смотрели новости. Спокойный голос ведущей звучал ровно, но кадры на большом экране были далеки от спокойствия:

— 9 января, в четыре часа утра, в одной из деревень Государства Йоги «речной бог», которому поклонялись местные жители, вышел из-под контроля, что привело к многочисленным жертвам. На видеозаписях с места происшествия видна лишь спина чудовища... Следы крови ведут к берегу реки и там обрываются. Местонахождение монстра в настоящее время неизвестно.

Цзян Цинин перестал хрустеть яблоком:

— И за границей тоже...

— А теперь срочные новости, — ведущая слегка нахмурилась, но тут же взяла себя в руки. — Сегодня, около восьми утра, на северное побережье Государства Красного Клёна высадилось огромное количество гигантских крабов-убийц. Военные силы Красного Клёна вели зачистку около трёх часов и наконец справились с кризисом. Согласно полученным данным, высота каждого краба-убийцы достигала трёх метров, длина — пяти. Их панцири были чрезвычайно прочными, а реакция — молниеносной.

Ци Синьли прищурился:

— Красный Клён — всегда была тихой страной, идеальной для иммиграции и спокойной старости. Если уж о них заговорили даже в новостях Срединного континента, значит, дело не только в крабах.

Сы Ночэн согласился:

— Красный Клён граничит с Северным полюсом. Возможно, проблема там...

— Полюса Земли — это места с самой необычной магнитной активностью, — внезапно заговорил Цзи Сы, и все тут же замолчали. — Их можно сравнить с макушкой и ступнями человека. Они соединяют с небом, упираются в землю и являются самыми лёгкими точками для контакта с непостижимым.

— Под влиянием резонанса они, подобно Вратам в Линьдуне, тоже могут открыться.

В гостиной воцарилась мёртвая тишина, нарушаемая лишь голосом из телевизора. За окном бурлила жизнь большого города, внутри же царил леденящий душу ужас.

Сы Ночэн повернул голову:

— Цзи Сы, можешь ли ты сказать, что на самом деле происходит с этим миром?

Цзи Сы мягко покачал головой:

— Коллективная карма человечества. Избежать её невозможно.

— Что такое коллективная карма? — спросил Цзян Цинин.

— Коллективная карма, — объяснил Цзи Сы, — это, можно сказать, долг «человека» перед «Дао». А Дао — это небо и земля, это всё сущее, это добродетель, и это сам человек.

— Небо и земля питают всё живое, а всё живое после смерти возвращается в небо и землю. Это вечный цикл отдачи и возвращения.

— Возьмём, к примеру, китовый падёж. Океан вскормил кита, и после смерти тот возвращает себя океану. Его останки кормят других существ. Если следовать естественному циклу роста, получения, смерти и возвращения, отдавая то, что получил, то не существует кармы, а есть лишь добродетель.

— Если же отдача превышает получение, или получение превышает отдачу, возникает «карма».

— И эта «карма» повсеместно существует в отношениях между людьми и между человеком и природой. С накоплением из поколения в поколение она стала настолько тяжёлой, что теперь её уже не сдержать.

— Сила кармы достаточна, чтобы перетасовать весь мир.

Иными словами, человечество своими руками создало ту ситуацию, в которой оказалось.

В наступившей тишине Цзи Сы обвёл их взглядом и сменил тему:

— Поэтому человечеству нужно пробудиться. Чтобы спасти себя, чтобы успокоить мир. Я уже говорил, что у каждого есть энергия и аура, и каждый обладает потенциалом для «пробуждения», но не каждый сможет пробудиться.

— Потому что пробуждение связано с душой, с состоянием сердца.

— Поэтому те, чья злая карма тяжела, кто накопил слишком много «нечистот» в душе, даже обладая исключительным талантом, не смогут пробудиться.

Цзи Сы осмелился передать им метод пробуждения не только потому, что он подходил для землян, но и потому, что само «пробуждение» было процессом с высоким порогом входа. Оно требовало добродетели и понимания, что эффективно предотвращало использование истинной силы во зло.

— Шесть путей сансары — это не выдумка, а система, существовавшая, когда «Дао» было целостным.

— В те времена злодеи перерождались в мире животных, чтобы отработать свой долг. Это было

не наказание. У животных меньше желаний, и перерождение в животном позволяло очиститься от «нечистот» и снова стать человеком. А праведники, накапливая добродетель из жизни в жизнь, действительно могли вознестись до более высоких измерений, стать, например, «бессмертными».

— Поэтому в повседневной жизни лучше избегать мелких корыстных поступков. Накапливаясь, они в конце концов лягут на ваши плечи тяжким грузом.

К сожалению, Земля давно утратила свою былую духовную энергию, и от древней системы осталась лишь работающая карма. И с таким-то наследством ему ещё предстояло разбираться. Хорошо хоть, Цзи Сы не испытывал к этому месту отвращения.

— Подобно тому, как даосы принимают учеников. Сначала они вопрошают у предков, затем обращаются к гаданию, и в-третьих, спрашивают, всё ли улажено у человека в семье. Если он не уладил свои дела в миру и хочет встать на путь Дао, его не примут. Одно слово «карма» — и даже даосу с ним не совладать.

Цзи Сы вдруг повернул голову и с усмешкой сказал:

— Если у вас есть какие-то долги, лучше бы вам поскорее их отдать.

Впрочем, эти ребята были на удивление порядочными. Он думал, что в их возрасте, полные сил и энергии, они непременно должны были нажить себе любовных долгов. Но нет, каждый из них был чист, как стёклышко. Ни одна роза не успевала даже бутон выпустить, как тут же увядала.

...Может, они прокляты?

Возможно, и впрямь прокляты.

Услышав это, Цзян Цинин побледнел как полотно:

— Ц-цзи Сы! Я раньше играл в одну гаремную игру, завёл там кучу жён, больших и маленьких, а потом забросил её лет восемь назад. Это считается «начал и бросил»?

Лаки принялся загибать пальцы:

— Я в университете для зачёта по практике работал в зоопарке в Уле. Но животные были такие непослушные, что мне пришлось побить весь зоопарк. Бил до тех пор, пока они, завидев меня, не поджимали хвосты и не разбегались. Это считается злодеянием?

Цзян Цинин:

— Мне что, нужно снова начать играть в эту игру и продолжать растить жён? Но сервер-то закрыли! Мне что, инвестировать в её возрождение?

Лаки:

— Мне нужно вернуться в тот зоопарк и извиниться перед ними? Но у животных короткая жизнь, некоторые уже умерли. Что мне делать? Сжечь ритуальные деньги и просить прощения?

Сы Ночэн застыл.

Ци Синьли тоже.

И Цзи Сы.

Отчего-то Великому жрецу показалось, что он ведёт их по безбрежному океану знаний, но, выбравшись на берег, обнаружил, что за ним следуют лишь двое, а остальные двое утонули.

Ладно, утонули так утонули. Спасать их было бесполезно.

***

Цзян Цзыин и Шэнь Юньтин сидели в кабинете. Напротив них — капитан Чэнь из отряда Хулукоу. Он молча бросил им на стол стопку документов.

— Ну и методы у вас, людей “приглашать”. Поразительно. Покруче моих будут, — с сарказмом произнёс капитан Чэнь. — Просто взять и утащить человека. Молодцы!

Шэнь Юньтин, чувствуя свою вину, попытался оправдаться:

— Бойцы нашего отряда — все бывшие военные. В тонкостях человеческих отношений они не сильны. Мы доставили вашему отряду неудобства.

Капитан Чэнь потёр виски и кивнул, принимая извинения.

— Даже мне пришлось искать к нему подход окольными путями, а вы решили напролом. Куда это годится, — вздохнул капитан Чэнь. — Ци Синьли, да, вот он, на третьей фотографии, запомните его лицо, это наш человек.

— Он уже успешно внедрился в их группу, раздобыл немало информации, — продолжал капитан Чэнь. — Но действует слишком неосмотрительно, ещё в «Циндине» осмелился звонить

мне и трещать без умолку. Дурак, совсем не боится себя выдать. Я трижды его обрывал, не давая говорить, надеюсь, его мозг немного прояснится.

— И говорит какую-то чушь, не знаю, от кого нахватался, цыц! Если бы не симпатичная мордашка, я бы тебя не выбрал. Молодёжь ведь на лицо смотрит, будь ты некрасивым, вряд ли бы тебя приняли в эту компашку... — ворчал он, как типичный мужчина средних лет.

— Дальше прошу вас следовать за ним. Говорят, они собираются покинуть Хулукоу. — Авось, и ещё что-нибудь разузнаете.

Шэнь Юньтин и Цзян Цзыин кивнули.

Капитан Чэнь снова озабоченно потёр лицо:

— ...Кстати говоря, этот пацан уже день не звонил. Как думаете, его не пришили?

Шэнь Юньтин и Цзян Цзыин: «Так вам, капитан Чэнь, в итоге надо, чтобы он вам звонил, или нет?»

***

Шоссе было забито. Чёрный внедорожник ехал впереди, за ним — коричневый. Новоиспечённый отряд двигался в следующий город.

Молодые люди, соприкоснувшиеся с новым миром, были полны энтузиазма. По рекомендации Ци Синьли они вооружились наушниками-гарнитурами, надели шляпы, парики и тёмные очки, выглядя как заправские спецагенты.

Сы Ночэн вёл первую машину, Лаки — вторую. В передней машине, где сидели трое, царил тишина. В задней же, где ехали двое, всю гремела музыка.

Цзян Цзинин:

— Мы едем спасать мир в следующем городе? Давайте придумаем нашему отряду крутое название! Как вам «Громовая пятёрка»?

Лаки нахмурился:

— Слишком банально и глупо. Лучше «Отряд диких медведей».

— Что хорошего в медведях? Давайте назовёмся как тайная организация из романа — «Группа

Дракона»!

— Мне больше нравится «отряд». Давайте скомбинируем, пусть будет «Отряд динозавров».

Цзи Сы почувствовал, что если он будет слушать это дальше, то и сам не удержится и включится в обсуждение названий. И действительно, Сы Ночэн и Ци Синьли не выдержали.

Ци Синьли:

— Раз уж мы действуем под началом Цзи Сы, давайте выберем что-то символичное. Цзи Сы весь в белом, это символ света. Название «Слава» звучит неплохо.

Цзян Цинин тут же возразил:

— Нет, со «славой» не пойдёт. Мы все пятеро холостяки. Ещё, не дай бог, название станет пророческим.

Все замолчали.

«...А ведь он чертовски прав».

Сы Ночэн, отвлёкшись от дороги, бросил:

— У Цзи Сы есть посох. Можно отталкиваться от «Посоха, усмиряющего моря». Фантазируйте.

Цзян Цинин был начеку:

— «Морской бог»? Нет, звучит как «морской царь» — бабник, только уровнем выше. «Божественная игла» — ещё хуже. Какой настоящий мужчина назовёт себя «иглой»?

Все замолчали.

Лаки с каменным лицом подвёл итог:

— Цзи Сы излучает свет и носит с собой палку. Давайте не будем мудрить и назовёмся «Холостяки».

Все потеряли дар речи.

***

Авторское примечание:

<http://bllate.org/book/13709/1589020>